

— Переводя на человеческий язык: это своего рода «вайб», паренек. Твой темперамент успешно привлек мое внимание.

Хань Бинхуань с презрением изогнул тонкие губы — явно не поверил.

— Не веришь — заставляю! — решил про себя Сюй Сы, исполненный решимости. — Погоди, вот увидишь, как я скоро перевоспитаю тебя своей вселенской любовью!

После возвращения в город в кулуарах Цзиньивэя и Дун-чана поползли слухи, гул от которых стоял невообразимый.

— Эй, слышал? Наш Командующий, похоже, крутит шашни с цветочком из Дун-чана.

— С кем-кем?

— Ну, ты понял, с тем самым!

— Слушай, ты, — возмутился собеседник, — говори нормально! Что ты мнешься? Я что, мысли твои читать умею?

— Тьфу, — тот топнул ногой, в ярости растрепав волосы, — у тебя вместо мозга чурбан, что ли? Почему такой непонятливый!

Он изобразил губами нечто выразительное.

— Что? Лунъян? Однополая любовь?

— Тише ты! О таком в полный голос не кричат! — он поспешно зажал приятелю рот.

— Тьфу-тьфу-тьфу! Еду можно есть всякую, а вот языком молоть что попало не стоит. Как ни посмотри, наш господин Хань совсем не похож на того, кто... ну, ты понял.

— Да какая разница, похож или нет? Ты просто не видел той сцены. Ц-ц-ц, это было нечто... пикантное.

— Да ладно? И как же вышло, что кто-то это увидел?

— Ох, история долгая, сейчас расскажу...

После долгого шепота приятель хлопнул в ладоши:

— Если по обоюдному согласию, то и осуждать нечего.

— Кто бы спорил. Жаль только нашего господина Ханя — такой молодой, еще ни жены, ни детей, а уже вляпался в такое непотребство, — тот скорбно скривился. — А ведь если подумать, этот цветок из Дун-чана на лицо куда приятнее любой девицы. По правде говоря, я, старина Ван, за всю свою жизнь не видел мужчины красивее. Хотя, мужчиной-то его и не назовешь... В общем, когда я его впервые увидел, у меня аж глаза на лоб полезли. В конце концов, если подумать, он Командующему вполне под стать.

Весь этот разговор до последнего слова долетел до ушей Хань Бинхуаня. Он как раз собирался выйти на патрулирование, но резко развернулся и зашагал обратно в канцелярию. Всю дорогу он обдумывал услышанное, и с каждым шагом его раздражение росло.

Молва страшнее клинка. Похоже, его репутации пришел конец. На его безупречно чистой, как белый лист, жизни появилось такое... такое немыслимое пятно.

— Хуань-Хуань! — приторный голос раздался прямо от ворот Бэйчжэньфусы. Хань Бинхуань почувствовал, как в висках запульсировала острая боль.

С момента возвращения с осенней охоты Цзян Ин под предлогом совместного расследования зачастил в гости — как на работу. И каждый раз приносил с собой какие-то безделушки, якобы желая порадовать господина Ханя и засвидетельствовать свою преданность.

Чего там только не было. Хань Бинхуань потер переносицу и тяжело вздохнул. Были там нарциссы, которые, как уверял Цзян Ин, он вырастил лично — правда, от них до сих пор не было никакой жизни, и непонятно, живы они или сгнили. Были и свитки, якобы лично скопированные господином Чан-гуном — Хань Бинхуань битый час сравнивал их с оригиналом, так и не поняв, что там нарисовано: персик или чья-то задница. Были и зеленые пирожные, приготовленные самим господином Чан-гуном — но Хань Бинхуань, глядя на их подозрительный цвет, так и не решился попробовать.

Интересно, какую нелепицу он притащил сегодня?

Цзиньивэй из Бэйчжэньфусы уже привыкли к визитам цветочка из Дун-чана. Они молчаливо договорились делать вид, что ничего не замечают, заодно мысленно ставя свечку за здоровье своего Командующего.

Чтобы поскорее завоевать сердце Хань Бинхуаня, Сюй Сы начал менять свой имидж. Вернее, имидж Цзян Ина.

Это был постепенный, скрытый процесс. Сегодня он добавил в воду для купания меньше масла пиона, завтра надел на свой роскошный наряд на одну нефритовую подвеску меньше. Капля за каплей — и вскоре он добьется полного преображения!

От одной мысли об этом он приходил в восторг.

Когда Сюй Сы появился из-за угла, неся в руках небольшую клетку, накрытую черной тканью, Хань Бинхуань вдруг остро почувствовал, что в нем что-то изменилось. Но что именно — сказать не мог.

Цзян Ин был человеком, знающим толк в красоте. Поскольку Дун-чан находился не в самом дворце, а лишь по соседству, он носил форму евнуха только во время официальных визитов к императору, а в остальное время облачался в свои обычные одежды.

Сегодня на нем был дымчато-зеленый халат. Исчезла его привычная вызывающая, зловещая аура, а более светлые тона одежды делали его черты лица ясными, а облик — легким и элегантным.

Он насвистывал какую-то нестройную мелодию и шел легкой походкой. Когда их взгляды встретились, он одарил Хань Бинхуаня такой лучезарной улыбкой, что тот невольно зажмурился от блеска его ровных белых зубов.

На какое-то мгновение Хань Бинхуань почувствовал, как сердце пропустило удар. Словно кто-то коснулся самой нежной струны его души — стало как-то тревожно и в то же время щемяще сладко.

— Смотри, какую забавную штуку я тебе принес, — Сюй Сы, словно величайшее сокровище, слегка потряс клеткой.

Хань Бинхуань дважды кашлянул и смущенно моргнул:

— Господин Цзян, у меня сейчас неотложные дела, я вынужден откланяться. Вы же понимаете...

Если не можешь победить, почему бы просто не уйти?

Но кто такой Сюй Сы? Это же мастер интриг нового поколения! Разве он мог не заметить, что Хань Бинхуань пытается от него сбежать? Ну уж нет. Настойчивость — это и есть высшее искусство. Капля камень точит. А если при этом удастся еще и чувства пробудить — вообще замечательно... кхм.

Сюй Сы ловко преградил путь Хань Бинхуаню, не давая тому проскользнуть мимо, и прошептал:

— Господин Хань, не суетитесь. Я пришел по важному делу. И, осмелюсь заметить, это дело сейчас для вас самое насущное и важное.

— О? — Хань Бинхуань приподнял бровь, затем подобрался. — Господин Чан-гун, неужели есть подвижки в расследовании?

Сюй Сы загадочно прищурился, сделал вид, что задумался, и расплылся в лукавой улыбке:

— Господин Хань, а вы не хотите сначала взглянуть на подарок, который я для вас выбрал?

Хань Бинхуань: «...»

Это была квадратная клетка, плотно накрытая черным шелком. Из-под ткани доносилось странное шуршание.

Живое существо? Хань Бинхуань нахмурился.

Сюй Сы осторожно поставил клетку на стол и, подперев щеку рукой, с ожиданием уставился на Хань Бинхуаня.

— Что там... внутри? — не выдержав его пристального взгляда, Хань Бинхуань из вежливости спросил.

— Угадай?

— ...

После долгой игры в «угадай — не буду», «угадай — не могу», «угадай — молчание», Сюй Сы наконец откинул ткань.

Хань Бинхуань встретился взглядом с парой зеленых вертикальных зрачков. Спустя мгновение он схватился за голову и вздохнул. Змея? Настоящая змея? Судя по узору — ядовитейшая золотистая куфия?

Увидев такую реакцию, Сюй Сы расстроился:

— Я разузнал, что вы родились в год Змеи, и с таким трудом отыскал ту, что покрасивее.

На словах «с таким трудом» он сделал особый акцент.

Тело змеи было покрыто чередующимися золотыми и черными кольцами. Она слегка изогнула переднюю часть туловища, выпуская алый раздвоенный язык. Выглядела она действительно роскошно, грозно и внушительно.

Но чем красивее змея, тем она ядовитее.

Прямо как Цзян Ин.

Хань Бинхуань сузил глаза и, стараясь не подавать виду, отодвинулся подальше, процедив сквозь зубы:

— Она ядовита.

К тому же, господин Командующий боялся змей.

— Не бойтесь, я велел вырвать ей ядовитые зубы, — послушно доложил Сюй Сы. — Теперь она совершенно безобидна.

Хань Бинхуань промолчал. Ты опаснее любой змеи.

— Я даже имя ей дал — Хань Сы. Хе-хе-хе. — Сюй Сы потирал руки, с восторгом глядя на змею. Хань Бинхуань воочию наблюдал, как под грозным взглядом господина Чан-гуна змея, до этого державшаяся гордо, поникла и обиженно свернулась в клубок.

Хань Бинхуань не стал спрашивать, почему господин Чан-гун назвал змею Хань Сы, а не Хань И или Хань Эр. Он привел лицо в порядок и снова накрыл клетку черной тканью:

— Благодарю за... внимание. Так что за важное дело вы хотели обсудить?

Перейдя к делу, Сюй Сы перестал дурачиться. Он сел, отпил чаю и неторопливо произвел:

— Тела убийцы и Цяньши Цзиня еще здесь?

— Да, — ответил Хань Бинхуань. — Мы до сих пор не выяснили, от какого именно яда они погибли, поэтому не решаемся предать их земле.

— Хорошо. Сегодня я нанял мастера по определению ядов, привел его с собой, чтобы он взглянул. — Сюй Сы краем глаза наблюдал за реакцией Хань Бинхуаня, но тот оставался невозмутим.

Впрочем, в деле вербовки сомнительных личностей с необычными талантами Дун-чан всегда превосходил Цзиньивэй.

— Где он? — Хань Бинхуань поднял взгляд.

— Ждет снаружи.

На дворе стояла осень, но даже при невысокой температуре тела пролежали уже полмесяца без должного охлаждения. Степень разложения, как и запах, можно было легко представить.

Сюй Сы долго колебался, но в итоге решил внутрь не заходить. У него была одна слабость — слабый желудок. Если его стошнит тем самым лотосовым супом, который он съел утром, будет стыдно.

Поэтому он проводил взглядом Хань Бинхуаня и мастера, прозванного Бессмертным Отравителем, и мысленно помолился за их здоровье.

Примерно через четверть часа они вышли, бледные как полотно.

Сорвав с лица бесполезную повязку, Бессмертный Отравитель глубоко вдохнул и выдохнул:

— Докладываю господину: это яд «Грезы».

«Грезы»? Сюй Сы дернул бровью. Местные мастера умеют давать поэтичные названия.

Из-за того, что они провели рядом с телами слишком много времени, от них разило трупным запахом. Сюй Сы потер нос и молча отступил на шаг.

Хань Бинхуань, чье лицо тоже было белее мела, сначала приказал унести тела для захоронения, а потом произнес:

— Прошу, мастер, объясните подробнее.

Бессмертный Отравитель, явно польщенный обращением «мастер», заложил руки за спину, прошелся туда-сюда и, поглаживая козлиную бородку, начал рассказ:

— Эти «Грезы» родом из Западного края, в Центральных равнинах встречаются крайне редко. Их изготавливают из плодов редкого ядовитого цветка. Жертва погружается в глубокие галлюцинации, не осознавая того, а затем умирает от внезапной остановки сердца.

Сюй Сы слушал и думал, что это похоже на передозировку наркотиков.

— Этот яд растет только в Западном крае? — нахмурился Хань Бинхуань.

Мастер кивнул:

— Именно так. Цветы, из которых делают «Грезы», у нас расти не могут.

Что ж, одна проблема решена: источник яда найден — Западный край.

Хань Бинхуань погрузился в глубокие раздумья.

— Господин Хань, а преступники, схваченные в день осенней охоты, дали показания? — внезапно спросил Сюй Сы.

Хань Бинхуань очнулся и покачал головой:

— Все схваченные — мелкие сошки. Ничего не знают, говорят лишь, что действовали по приказу свыше, чтобы воспользоваться хаосом.

Похоже, организация работает скрытно. Наученные горьким опытом после поимки того мученика, в этот раз они прислали лишь «непосвященных зевак». Даже если их схватят, они ничего не расскажут.

— Вижу, вы о чем-то догадались. Есть подозрения? — Сюй Сы всегда отличался отличной интуицией. Он почувствовал, как в тот момент, когда прозвучали слова «Западный край», выражение лица Хань Бинхуаня на секунду дрогнуло.

— Подозреваемых нет, — Хань Бинхуань явно не собирался делиться информацией с Сюй Сы.

Сюй Сы фыркнул, наградил его выразительным взглядом в затылок и удалился. Бессмертный Отравитель поспешно собрал свои вещи и бросился следом.

Выйдя из Бэйчжэньфусы, Сюй Сы остановился. Мастер почтительно замер рядом.

— Ну что, это тот же яд, что был в моей чашке? — Сюй Сы прислонился к высокой темной стене Бэйчжэньфусы, потирая нефритовое кольцо на большом пальце, и небрежно спросил.

— Докладываю господину: это тот же самый яд, вне всяких сомнений. — Мастер огляделся и прошептал: — У этого порошка есть специфический горький привкус. Обычный человек его не почувет, только такие, как я, кто годами варится в ядах, могут его распознать.

Эта фраза была призвана возвысить его собственные способности.

Сюй Сы помрачнел, в его голове лихорадочно крутились мысли.

Значит, Цзян Ина тоже убили те самые противники наследного принца? Но почему? Потому

что он схватил убийц? Но в Дун-чане не удалось выбить из них никакой ценной информации. Личная неприязнь? Это вообще из области фантастики — все, кого Цзян Ин обидел, либо уже мертвы, либо до смерти боятся этого ужасного господина Чан-гуна. Какая выгода могла быть в смерти Цзян Ина?

Сюй Сы не мог выстроить логическую цепочку и решил пока оставить это дело. Он не был тем, кто будет часами мучиться над одним вопросом. Он всегда верил в принцип: «как-нибудь да выплывем».

Вернувшись в Дун-чан, Сюй Сы позвал Цзян Сяочуаня.

Тот прибежал, сияя от счастья. В последнее время господин Чан-гун не позволял ему прислуживать при купании и не звал на массаж, из-за чего Цзян Сяочуань жил в страхе, что впал в немилость. Поэтому, едва услышав зов, он примчался радостный, как распутившийся цветок.

Но, увидев помрачневшее лицо господина, этот юный «цветок» сразу сник.

— Сяочуань, ты случайно не забыл о моем поручении? — Сюй Сы действительно был не в духе. Этот подонок Хань Бинхуань явно что-то знал, но не хотел делиться, что ужасно раздражало. Раздражение просочилось в его голос, который прозвучал почти как упрек.

Цзян Сяочуань тут же рухнул на колени:

— Пощадите, господин! Тот... тот книжник... как сквозь землю провалился. Я был в его доме — пусто. Спросил соседей — никто его не знает. Сейчас мои люди с его портретом стоят у городских ворот, как только появится — сразу доложу!

Сюй Сы вздохнул. Ничего не идет гладко.

Этот «книжник» явно испугался и сбежал. Сюй Сы пытался вспомнить, как Цзян Ин вообще с ним познакомился, но — ни единой мысли. Память была словно стерта. Не мог же он просто схватить первого встречного красавца на улице и затащить в постель? Цзян Ин был слишком осторожен, чтобы подпускать к себе незнакомцев.

Сюй Сы заподозрил, что здесь какой-то программный сбой.

Он мысленно воззвал к 2333:

— Хэ-ди, ты здесь?

[Динь-дон, система в режиме сна и обслуживания. Пожалуйста, оставьте сообщение.]

Сюй Сы: «...»

Черт, эта дерьмовая система ломает мне жизнь и губит юность.

— Господин, к вам пожаловал Пятый принц, — раздался тонкий голос евнуха за дверью.

Сюй Сы нахмурился. Пятый принц Ци Чао? Еще одно белое пятно в памяти Цзян Ина... Сбои сыпались один за другим. Как вообще в это играть?

— Пусть подождет в боковой гостиной. Я сейчас буду, — ответил Сюй Сы.

В душе поселилась тревога, и он не понимал, откуда она исходит.

Приведя себя в порядок, Сюй Сы неспешно направился в гостиную, раздумывая, зачем Пятый принц пожаловал без приглашения.

Цзян Ин был евнухом, «без причиндалов», поэтому императору не нужно было опасаться, что он зарится на его наложниц. Он свободно входил в женскую половину дворца и видел почти всех принцев, принцесс и фавориток. В его памяти остались яркие воспоминания о многих из них. И только Пятый принц — ни звука, ни лица. Странно? Да это просто за гранью понимания.

Как говорится, чтобы победить, нужно знать врага в лицо. Сюй Сы понятия не имел, были ли у Цзян Ина с этим человеком отношения, а если были — то насколько глубокие. В такой ситуации он не знал, какую маску надеть, чувствуя себя слепым, ощупывающим слона.

В итоге Сюй Сы решил — будь что будет. Будет придерживаться привычного стиля Цзян Ина: язвительного, холодного и зловещего.

У входа в гостиную Сюй Сы остановился. Прищурившись, он издалека осмотрел мужчину, сидящего в кресле тайши. Лицо Ци Чао на семь частей походило на лицо его отца Ци Юаня — словно из одной формы вылиты. Только лоб был повыше, из-за чего глазницы казались глубже, а скулы — острее. Узкие глаза с приподнятыми уголками, вечно улыбающиеся губы.

Сюй Сы с рождения не любил людей с вечно улыбающимися лицами — у таких внутри может бушевать ярость, а снаружи — сплошное тепло и радушие.

От одной мысли об этом становилось не по себе.

Почувствовав на себе взгляд, Ци Чао повернул голову и одарил его стандартной улыбкой «восемь зубов»:

— Господин Цзян, вы пришли.

Голос был таким же хриплым, как в тот день в лагере.

Сюй Сы слегка изогнул губы и кивнул. Небрежно заложив руки за спину, он вошел, лениво опустился в кресло справа от Ци Чао, взял предложенный чай и, для порядка помешав крышечкой, неторопливо произнес:

— Пятый принц пожаловал, а я не встретил. Прошу прощения за неучтивость. — Сюй Сы почти идеально скопировал высокомерный и вызывающий тон Цзян Ина.

Ци Чао, казалось, привык к такому отношению и ничуть не обиделся:

— Господин, не стоит извинений. Это я не предупредил заранее, пришел без приглашения. Надеюсь, не помешал вашим важным делам?

Сюй Сы бросил взгляд на необычно почтительного принца и многозначительно хмыкнул. Он заметил, как на лице Ци Чао на мгновение промелькнула тревога.

Здесь что-то не так, — заключил Сюй Сы.

— Пустяки, время найдется. Не подскажете, по какому делу прибыли?

В глазах Ци Чао мелькнуло удивление. Он понизил свой хриплый голос, слегка наклонился вперед и спросил:

— Господин, вы разве не знаете, зачем я пришел?

А должен? — сердце Сюй Сы екнуло. Неужели у Пятого принца и Цзян Ина действительно были темные делишки? Какие? Может, они спали вместе? Сюй Сы небрежно окинул принца взглядом с ног до головы и решил, что нет — вкус Цзян Ина был куда лучше.

Но если он так спрашивает, значит, оба должны быть в курсе. А Сюй Сы — как слепой котенок.

Сохраняя невозмутимость, он нагло решил подыграть:

— Принц, неужели вы пришли с претензиями?

Сюй Сы внимательно следил за реакцией. Он уловил в вопросе Ци Чао скрытую обиду, которую тот пытался подавить. Но как бы глубоко он ее ни прятал, Сюй Сы, обладавший первоклассной интуицией, уловил это сразу.

Ци Чао опустил голову, и обида исчезла:

— Что вы, господин. Как я могу вас в чем-то винить?

<http://bllate.org/book/19095/1875332>